

Дмитрий
Мережковский

ИИСУС
НЕИЗВЕСТНЫЙ

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
М52

Мережковский, Д.

М52 Иисус Неизвестный / Д. Мережковский. — М.: T8RUGRAM, 2018. — 728 с.

ISBN 978-5-521-77928-4

Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941) — известный русский писатель, поэт, литературный критик, религиозный мыслитель, творчество которого входит в сокровищницу мировой литературы.

«Иисус Неизвестный» — один из самых загадочных романов Мережковского, в котором, используя огромный историко-культурологический материал, писатель предпринял попытку воссоздать «неизвестный путь» земной жизни Христа, познать истинный смысл Евангелия и узреть за Ветхим и Новым Заветом «Третий Завет» — Царство Духа.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

И мир Его не узнал.
Και ὁ κόσμος αὐτόν οὐκ ἐγνώ.

Ιο 1,10

СОДЕРЖАНИЕ

ТОМ ПЕРВЫЙ	7
ЧАСТЬ I. НЕИЗВЕСТНОЕ ЕВАНГЕЛИЕ	9
БЫЛ ЛИ ХРИСТОС?	9
НЕИЗВЕСТНОЕ ЕВАНГЕЛИЕ	35
МАРК, МАТФЕЙ, ЛУКА	50
ИОАНН	64
ПО ТУ СТОРОНУ ЕВАНГЕЛИЯ	82
ЧАСТЬ II. ЖИЗНЬ ИИСУСА НЕИЗВЕСТНОГО	105
КАК ОН РОДИЛСЯ	105
УТАЕННАЯ ЖИЗНЬ	118
НАЗАРЕТСКИЕ БУДНИ	139
МОЙ ЧАС ПРИШЕЛ	158
ИОАНН КРЕСТИТЕЛЬ	174
РЫБА-ГОЛУБЬ	197
ИИСУС И ДЬЯВОЛ	220
ИСКУШЕНИЕ	233
ЕГО ЛИЦО (В истории)	249
ЕГО ЛИЦО (В Евангелии)	266
 ТОМ ВТОРОЙ	 281
ЧАСТЬ I. СЛУЖЕНИЕ ГОСПОДНЕ	283
КАНА ГАЛИЛЕЙСКАЯ	283
ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ГОСПОДЕНЬ	295

БЛАЖЕНСТВА	309
ЦАРСТВО БОЖИЕ	334
ОСВОБОДИТЕЛЬ	356
И МИР ЕГО НЕ УЗНАЛ	392
ПРИШЕЛ К СВОИМ	414
И СВОИ НЕ ПРИНЯЛИ	430
КЕСАРИЯ ФИЛИППОВА	453
ПРЕОБРАЖЕНИЕ	474
ЧАСТЬ II. СТРАСТИ ГОСПОДНИ	491
ВШЕСТВИЕ В ИЕРУСАЛИМ	491
БИЧ ГОСПОДЕНЬ	510
СЕРЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК	529
СТРАШНЫЙ СУД	546
ИУДА ПРЕДАТЕЛЬ	558
ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ	572
ГЕФСИМАНИЯ	593
СУД КАИАФЫ	616
СУД ПИЛАТА	634
РАСПЯТ	659
ВОСКРЕС	694
ВОИСТИНУ ВОСКРЕС	713

ТОМ ПЕРВЫЙ

ЧАСТЬ I НЕИЗВЕСТНОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

БЫЛ ЛИ ХРИСТОС?

I

Странная книга: ее нельзя прочесть; сколько ни читай, все кажется, не дочитал, или что-то забыл, чего-то не понял; а перечитаешь, — опять то же; и так без конца. Как ночное небо: чем больше смотришь, тем больше звезд.

Умный и глупый, ученый и невежда, верующий и неверующий, — кто только читал эту книгу — жил ею (а иначе не прочтешь), тот с этим согласится, по крайней мере, в тайне совести; и все тотчас поймут, что речь идет здесь не об одной из человеческих книг, ни даже о единственной, Божественной, ни даже о всем Новом Завете, а только о Евангелии.

II

«О, чудо чудес, удивление бесконечное! Ничего нельзя сказать, ничего помыслить нельзя, что превзошло бы Евангелие; в мире нет ничего, с чем можно бы его сравнить».¹ Это говорит великий гностик II века, Маркион, а вот что говорит средний католик-иезуит XX века: «Евангелие стоит не рядом, ни даже выше всех человеческих книг, а вне их: оно совсем иной природы».² Да, иной: книга эта отличается от всех других книг больше, чем от всех других металлов — радий, или от всех других огней — молния, как бы даже и не «Книга» вовсе, а то, для чего у нас нет имени.

III

НОВЫЙ ЗАВЕТ
Господа нашего
Иисуса Христа
В русском переводе
Санкт-Петербург, 1890

Маленькая, в 32-ю долю листа, в черном кожаном переплете, книжечка, 626 страниц, в два столбца мелкой печати. Судя по надписи пером на

¹ Eug. Faye, *Gnostiques et Gnosticisme*, 1925, p. 531.

² Lagrange, *Evangelies*, 1930, p. 39.

предзаглавном листке: «1902», она у меня, до нынешнего 1932 года, — 30 лет. Я ее читаю каждый день, и буду читать, пока видят глаза, при всех, от солнца и сердца идущих светах, в самые яркие дни и в самые темные ночи; счастливый и несчастный, больной и здоровый, верующий и неверующий, чувствующий и бесчувственный. И кажется, всегда читаю новое, неизвестное, и никогда не прочту, не узнаю до конца; только краем глаза вижу, краем сердца чувствую, а если бы совсем, — что тогда?

Надпись на переплете: «Новый Завет», стерлась так, что едва можно прочесть; золотой обрез потускнел; бумага пожелтела; кожа переплета истлела, корешок отстал, листки рассыпаются и кое-где тоже истлели, по краям истерлись, по углам свернулись в трубочку. Надо бы отдать переплести заново, да жалко и, правду скажу, даже на несколько дней расстаться с книжечкой страшно.

IV

Так же как я, человек, — зачитало ее человечество, и, может быть, так же скажет, как я: «что положить со мною в гроб? Ее. С чем я встану из гроба? С нею. Что я делал на земле? Ее читал». Это страшно много для человека и, может быть, для всего человечества, а для самой Книги — страшно мало.

Что вы говорите Мне: «Господи! Господи!» и не делаете того, что Я говорю? (Лк. 6, 46).

И еще сильнее, страшнее, в «незаписанном», агтарphon, не вошедшем в Евангелие, неизвестном слове Иисуса Неизвестного:

Если вы со Мною одно,
и на груди Моей возлежите,
но слов Моих не исполняете,
Я отвергну вас.¹

Это значит: нельзя прочесть Евангелие, не делая того, что в нем сказано. А кто из нас делает? Вот почему это самая нечитаемая из книг, самая неизвестная.

V

Мир, как он есть, и эта Книга не могут быть вместе. Он или она: миру надо не быть тем, что он есть, или этой Книге исчезнуть из мира.

¹ II Epist., Clement., IV, 5 — W. Bauer, Das Leben Jesu im Zeitalter der N. T. Apokryph, 1909, S. 384.